

СОСТОЯНИЕ ПРЕКАРНОСТИ В ПОСТГУМАНИЗМЕ

А. Б. Сосновик

Белорусский государственный университет, Минск;

anya.sosnovik@mail.ru;

науч. рук. – Э. А. Усовская, канд. культур., доц.

В статье рассматривается прекарность как состояние неустойчивости и нестабильности, присущее современности. Исследования прекарного существования позволяют увидеть, каким образом можно определить человека, переживающего уязвимость, и что может быть предпринято, чтобы такое состояние из угрозы стало возможностью для преобразования общества. При этом современность демонстрирует, что человек – не единственный актер, а его опыт является причиной и одновременно следствием трансформации других, нечеловеческих субъектов. В подходе постгуманизма, основанного на методологии постмодернизма и концепте «смерти человека», прекарность видится не только опасностью, пронизывающей каждое сообщество, но и источником для переосмысления положения человека и изменения его отношения к нечеловеческим другим.

Ключевые слова: постгуманизм, прекарность, «смерть человека», Харауэй, Фуко.

Неустойчивость и неопределенность существования пронизывает все современное природо-культурное пространство. Кризис, системный по характеру и содержанию, ставит перед гуманитарной мыслью новые задачи, что при этом не отменяет существующих и все еще нерешенных проблем, во многом вызванных борьбой между различными группами за господствующее положение и жестокостью, которую человек готов применить для достижения своих целей. Возникает положение и о возможной нерелевантности гуманистических ценностей, которые больше не служат ориентиром в кризисном состоянии. В связи с этим актуализируется вопрос о статусе субъекта: может ли человек свободно действовать и кто, помимо него, способен быть актором, преобразовывать действительность? Культурфилософский дискурс стремится увидеть, что существует за пределами антропоцентричной парадигмы, и описать этот опыт.

Одной из таких исследовательских областей становится постгуманизм, продолжающий постмодернистский концепт «смерти человека». Как показывал М. Фуко, образ человека не является единым и универсальным, а порождается эпистемой, системой власти и знания в конкретном сообществе. Характерное для западноевропейской мысли представление о человеке, определяющем существование других и всего мира в целом, для Фуко есть «антропологический сон», от которого необходимо очнуться, чтобы открыть «пространство, где наконец-то можно снова начать мыслить» [1, с. 362].

Постгуманизм также исследует категорию человеческого и ее способность манифестировать власть. В нем оспаривается место человека среди других существ, критикуется его воздействие на окружающую среду, используемые им механизмы исключения и подавления. Осмысление этого положения и возможные пути его преодоления предлагаются в разнообразных постгуманистических проектах. Общими принципами *posthuman studies*, ярко выраженными в культурфилософском дискурсе, становятся пост-гуманизм, пост-антропоцентризм и пост-дуализм, основанные на постмодернистской методологии и позволяющие устранить существующую иерархическую систему, вершиной которой в антропоцентричной парадигме является человек (причем человек определенного вида) и препятствовать вырождению идентичности в конфронтацию между «мы» и «они».

Постгуманизм показывает, что ненадежность положения, неуверенность в завтрашнем дне – это то, что затрагивает и различные группы людей, и живых существ, и мир в целом, который находится под постоянной угрозой климатической катастрофы и разрушительной войны. Исследуется состояние прекарности – жизни, которую сам ее обладатель, находящийся в уязвимом состоянии, с трудом может контролировать. И в то же время происходит поиск путей выживания и построения сообществ в таких условиях.

Зачастую в современных исследованиях, не лежащих в области *posthuman studies*, рассматривается прекарность, неустойчивость, свойственная именно человеку. Так, социолог Гай Стэндинг объединяет всех, переживающих это состояние, в отдельный, довольно разрозненный класс – прекариат, представители которого не имеют фиксированной занятости, которая могла бы поддерживать их существование (см. [2]). Это группа, зачастую граничащая с безработицей и бедностью, лишенная трудовых гарантий и профессиональной идентичности. Ее представители могут иметь и позитивный опыт – так, в условиях нестабильности фрилансер оказывается более приспособлен к изменениям, однако в целом прекарность ставит человека в уязвимое, нестабильное положение, а разнообразие прекарного опыта приводит к сложности высказывания конкретных требований.

Однако для борьбы с угнетением, которому подвержены различные прекарные группы, соперничающие между собой и выступающие инструментом для тех, кто не находится в уязвимом положении, могут быть предприняты конкретные шаги – например, внедрение справедливого резиденства и экономической защищенности посредством базового дохода. Ассоциации и организации тоже могут защищать членов прекариата от опыта исключения.

Джудит Батлер, представительница *gender studies*, которые стали одним из источников для постгуманизма, показывает, что прекарность – экзистенциальное переживание каждого человека, который не только «внезапно смертен», но постоянно сталкивается с травмирующим опытом, нарушающим его повседневность. Войны и террористические атаки являются не витающей в необозримом пространстве угрозой, но материализуются, претворяя жизнь в смерть; лишения, болезни и чрезвычайные ситуации сопровождают существование в качестве неподконтрольной возможности.

Но в некоторых случаях уязвимость, незащищенность просвечивает со всей очевидностью, и потому этическая задача состоит в том, чтобы всматриваться в лицо угнетения, выходить за пределы собственной уязвимости с целью помощи другим и объединения. Для Батлер неустойчивость может стать толчком к совместному волеизъявлению: «И даже если это тело политики не говорит единым голосом – даже если оно вообще не говорит – оно тем не менее формирует, устанавливает свое присутствие как плюральная, телесная жизнь» [3, с. 196]. И хотя такой подход не постантропоцентричный, он обращает внимание на телесность, витальность и стремится побороть уязвимость, свойственную живому существу – в данном случае, человеку.

Прекарность как одну из ключевых черт современности описывает антрополог Анна Цзин, подчеркивая, что это состояние присуще не только людям, но и каждому существу, вплетенному в мировые производственно-торговые сети. Становясь ресурсом, коммодифицируясь, жизнь попадает в зависимость от экономической системы, основанной на неравенстве и потреблении дешевой рабочей силы. При этом постоянная трансформация территории и населяющих ее существ, усиление мобильности и изменение производственных правил приводит к тому, что «не способные полагаться на устойчивое устройство общины, мы оказываемся включены в подвижные ассамбляжи людей и предметов... Мы не можем полагаться на статус-кво: все меняется, в том числе и наша способность выживать» [4]

А. Цзин, исследуя руины и раны, оставляемые системой капитализма, сосредотачивает свой антропологический и одновременно постгуманистический взгляд именно на пограничных зонах, пересечениях опытов и различных в своем выражении состояний прекарности. Так, плантации и вырубленные леса – окраины капитализма, подпитывающие его существование, но вместе с тем это пространства, в которых переплетаются люди и нечеловеческие другие, обладающие собственными стратегиями выживания. Пограничные зоны показывают, что в любых условиях есть

возможность для самоорганизации, построения сообщества и постгуманистического симбиоза.

Представительница женских исследований и постгуманизма Донна Харауэй также исследует прекарность как жизнь на окраинах, руинах капиталистического потребления. Она описывает современность с помощью концепта Хтулуцена, где «ничто не создает само себя; ничто не является подлинно аутопоэтическим или самоорганизующимся» [5, с. 85]. Здесь человек есть лишь один из видов-компаньонов, находящийся в зависимости от каждого существа, такой же уязвимый, как и они, однако при этом ставящий жизни других под угрозу, стремящийся к господству, видящий в каждом пространстве и существе ресурс, который возможно освоить.

Но сохранение такого положения может привести к тому, что человек останется в одиночестве на опустошенных, выжженных территориях, обломках бывшего мира, уничтоженного его собственными руками. Харауэй, продолжая идеи Фуко, показывает, что «человек, созданный по образу исчезнувшего бога, в своем секулярно-сакральном восхождении приобретает сверхспособности только затем, чтобы снова закончить трагическим бессилием» [5, с. 72]. Прекарность постепенно становится синонимом современности, ее основной формой существования. Чтобы избежать возможного разрушительного будущего, человек должен преодолеть позицию всевидящего, господствующего бога, увидеть все переплетения, пронизывающие мир. Обратив внимание, как и у Батлер, на прекарность и уязвимость другого, он сможет выстроить этические отношения, признающие право на жизнь каждого существа, и вступить в союзничество в мире Хтулуцена.

Таким образом, неопределенность и неустойчивость современности может быть возможностью для пересмотра существующих позиций, а прекарность – становиться объединяющим началом, пронизывающим все сообщества. Ее постгуманистическое прочтение утверждает множество возможных состояний, способов жизни и наделяет агентностью, самостоятельностью абсолютно различных субъектов, в том числе и нечеловеческих.

Библиографические ссылки

1. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М: Прогресс, 1977.
2. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
3. Butler, J., Athanasiou, A. Dispossession: The Performative in the Political. Cambridge: Polity Press, 2013.
4. Цзин, А. Л. Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
5. Харауэй, Д. Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в Хтулуцене. Пермь: «Hyle Press», 2020.